

Дмитрий Косяков

Радости и печали российского учителя

Настоящим педагогом я стал совсем недавно: в юные годы я несколько лет кряду работал в сфере дополнительного образования, затем бросил всё и ушёл в журналистику. Но стезя филолога властно вернула меня в школу, сделала меня преподавателем в полном смысле этого слова. И тут уж я, что называется, ощутил и восчувствовал.

Работы по профилю, то есть школьного преподавания русского языка и литературы, я доселе упорно избегал, предчувствуя в этом изрядную долю бюрократизма, который я всей душой ненавижу. И в школу я заново поступил как педагог дополнительного образования. Но сама российская действительность, то есть острая нехватка учителей русского и литературы, заставила администрацию «накинуть» мне и предметные часы. Да, преподавателей у нас крайне не хватает, и это при том, что педагогические вузы ежегодно выдают дипломы своим выпускникам, готовят специалистов. А специалисты в школу идти не хотят. Не хотел и я. Заведомо опасался, брезговал, не чувствовал в себе достаточных сил.

Но, как выяснилось, изнутри всё это выглядит совсем иначе. Есть в профессии учителя много и много такого, о чём не подозревает сторонний наблюдатель. Есть свои неожиданные плюсы и совершенно невероятные минусы. Вот об этом по свежим впечатлениям и хочу рассказать.

Радости

И начну с плюсов, то есть с «радостей». Конечно, радости, которые я открыл, доступны далеко не каждому учителю. Не все умеют их распознать и оценить, но они есть, и для меня они весьма осязаемы.

Нужный труд

Первая радость—это ощущение значимости того, что ты делаешь. Конечно, в современной России учитель—профессия многими презираемая, вроде сельского учителя царских времён. Ведь не бизнесмен какой-нибудь, не полицейский чин, не депутат, наконец. И всё же, даже чисто формально, в застольной беседе всякий вынужден

будет признать, что без учителя в современном мире никуда. Кто-то же должен детишек учить читать и писать. И даже «за литературу» при случае можно объяснить, сказать что-нибудь про «культурный код», про «скрепы». Где же они, как не в нашей литературе?

Поэтому над учителем и посмеиваются, и поругивают его—не так учит!—а всё-таки терпят. Нельзя уж совсем без него. Без контент-менеджера можно, без блогера можно, даже без судебного пристава, пожалуй, можно было бы как-то обойтись, а вот без учителя всё-таки не того... пускай живёт!

Итак, первый плюс—значение твоей работы признают и бедняк, и богач.

А вот второй плюс заключается в том, что значение учителя признаёт его превосходительство чиновник. Да, значение образования признаёт само государство. И если смысл высшего образования чиновнику порой сомнителен, что и выражается в периодических закрытиях, слияниях и реорганизациях вузов, то средняя школа пока ещё стоит, и кислород ей окончательно не перекрывают. Порой мне кажется, что преподавание в наших школах местами даже лучше и выше качеством, чем в вузах.

Я преподавал и там, и там. И почувствовал в университете общую атмосферу апатии, ощущения собственной заброшенности и ненужности. Преподаватели делают вид, что учат, студенты делают вид, что учатся. Словно они знают, что где-то наверху на них махнули рукой, словно это и не образовательное заведение, а передержка для молодёжи, чтобы оттянуть момент их выхода на рынок труда и частично переложить проблему безработицы на родительские плечи.

В школе такого нет: тут жизнь бурлит, ведомства, что ни день, спускают важные директивы, надзирают за школой неослабно, а порой и подкидывают какие-нибудь поощрения. В общем, флаги реют, барабаны бьют. Учитель чувствует, что он скотинка хоть и забитая, но полезная. Поэтому количество школ хоть и сокращается, но не так быстро, как количество фирм, компаний, заводов и даже банковских отделений. Работа эта относительно стабильная: без дела педагог не останется.

Третья нечаянная радость заключается в том, что и сами дети пусть не все, но понимают, что этот процесс образования им нужен. Что педагог

хоть и не носитель вечных истин, но кое-какие входы-выходы в жизни знает. А стало быть, часть детей всё же принимает заинтересованное участие в образовательном процессе.

Представьте себе какую-нибудь офисную работу, где начальник заинтересован лишь в том, чтобы вы работали побольше, а работники лишь в том, чтобы пораньше с этой работы сбежать. В школе же вы всё-таки оказываетесь в среде людей, которым интересен пусть не процесс, но хотя бы результат труда. Пусть бы и ради оценок, ради сдачи экзамена, но они готовы учиться, готовы сотрудничать с вами, делать с вами это общее дело.

Поверьте, я сменил массу мест работы и мало где сталкивался с подобным — с заинтересованностью в результате своего труда. Если рассуждать по науке, то образование — это тот самый неотчуждённый труд, о котором мечтал ещё Гегель. Гегель «рассматривает *труд* как *сущность*, как подтверждающую себя *сущность человека*», «*для-себя-становление человека*»¹. Однако о труде, как оказалось, есть не только положительная, но и отрицательная сторона. В процессе труда человек может не раскрыть свою сущность, а напротив, оказаться обезличенным, превращённым в винтик машины.

Поэтому рабочий на заводе заинтересован в результате своего труда лишь формально, опосредованно. Рабочему нужна зарплата. Если он будет получать ту же зарплату при полной халтуре, он будет только рад. Ученики же (повторюсь, не все, но в каждом классе сыщется хоть пара таких) заинтересованы в результатах своего труда, они правда хотят кое-чему научиться.

И здесь мы переходим к четвёртой радости учителя: твой труд нужен... тебе самому. Уж кому как, а для меня это всегда было важно. Каким бы циником ты ни был, а сознание бесполезности твоего труда калечит тебя нравственно и подтачивает нервы. Просиживаешь ли ты штаны в качестве охранника в торговом центре или в качестве какого-нибудь суперменеджера или биржевого игрока, smm-щика или seo-шника, обзваниваешь ли клиентов — рано или поздно поймёшь, что годы и силы уходят в пустоту.

Работая по законам рынка, вы превращаетесь в товар, который вы ежедневно пытаетесь сбыть, втюхать потребителю. Вы должны заботиться о том, чтобы ваши новости имели максимальное количество просмотров, ваши рекламные тексты провоцировали продажи, ваши статьи оказывались на верхних строчках поисковой выдачи и так далее. Образование же пока ещё окончательно не превращено в товар и, несмотря ни на что, остаётся *правом* каждого человека.

Тут же вы можете смело пожать себе руку: ваше дело нужно не только государству или обществу — оно объективно нужно всему человечеству. Здесь вы имеете возможность сеять разумное, доброе,

вечное, бороться за высокие ценности и прочая, и прочая. Но не будем долго об этом: кто знает, тот понимает, а кому не дано, с тем и говорить не о чем.

Итак, мы описали целую пирамиду признания и принятия профессии учителя. Но, как говорил Якубович, и это ещё не всё. Есть целый разряд «радостей» обществуведческого свойства.

Связь с обществом

Поясню.

Во-первых, вы работаете не один на один с компьютером, как какой-нибудь социофоб-айтишник, а с коллективом, даже с рядом коллективов. Я говорю про школьные классы. В каждом классе своя атмосфера, свои сюжеты, свои коллизии. Находиться в гуще коллективной работы — это тоже своеобразное удовольствие. Вы не одиночка, сидящий в своём углу, вы находитесь в центре общего действия, вы даже руководите этим процессом, направляете его.

Во-вторых, у вас перед глазами целый срез поколения — десятки, а то и сотни детей определённых возрастов. И если вы хоть сколько-нибудь интересуетесь общественными вопросами, интересуетесь своей страной — то вот перед вами широчайшее поле для наблюдений, размышлений, экспериментов. Действуйте! Вам позавидует любой социолог. Вы отлично знаете, о чём думает, чем дышит, о чём мечтает подрастающее поколение. Достаточно пошире открыть глаза, посмотреть перед собой заинтересованным оком.

Кстати, своими наблюдениями вы можете охватить и родителей — это ещё одна возрастная категория. Тут бы вам, конечно, не помешали соответствующий багаж знаний и понятийный аппарат. Мне повезло: по второму образованию я историк, а общественными науками занимаюсь давно и с большим рвением. Но и другим педагогам рекомендую освоить азы обществоведения и политологии, ибо взгляд педагога на общество гораздо шире, чем у многих и многих граждан.

В-третьих, вы являетесь важным передаточным звеном государственного механизма. Через вас государство спускает детям всевозможные идеологические послания. И таким образом вы волей-неволей оказываетесь в курсе государственных дел, держите руку на пульсе большой политики. И если вы имеете хоть малейшую привычку наблюдать, сопоставлять и анализировать, то очень многое поймёте.

Подводя итог рассуждениям об учительских радостях, хочу сказать, что учитель — профессия творческая, в ней найдут себя те, кто стремился на сцену или на трибуну. И если подойдёте к своему делу с любовью, то обретёте взамен благодарность

.....

1. См. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года.

учеников, родителей. И, что немаловажно, сможете уважать сами себя.

Если вы настоящий интеллигент и хотите познать свой народ — идите в самую обыкновенную школу. Народ ждёт вас.

Печали

Нарисованная мной в первой части радужная картина отнюдь не фальшива. Она лишь неполна. Поскольку, помимо радостей, у современного педагога имеются и печали. И печали эти являются отнюдь не ложкой дёгтя в бочке мёда. Сосчитать, чего же больше в профессии педагога — мёда или дёгтя, — задача не из лёгких.

Очевидные вещи

Для начала перечислю несколько проблем, очевидных и уже многократно описанных:

1. Испорченные детки из неблагополучных семей. Причём к неблагополучным могут относиться как семьи социальных низов, так и семьи богатых бизнесменов и чиновников. Эти детки будут пить вашу кровь, срывать ваши уроки и мешать вам и другим ученикам совместно налаживать образовательный процесс.
2. Испорченные родители. Они тоже будут пить вашу кровь, требовать от вас качественного «сервиса», как будто вы официант или горничная.

Это очевидные проблемы, проистекающие из рыночной психологии современного общества. В частности, о них уже писала Елена Басалаева в статье «Без труда и без науки. Отношение потребителя к образованию в школе»². Она особенно выделяет и проблему формализма, культура успеха: «Ориентация на внешние показатели успеха (а ими как раз являются оценки) очень высока у школьников, собранных в так называемые привилегированные классы, где учатся дети предпринимателей, чиновников, депутатов. Моя школа числится престижной, и в ней такой класс есть... В этом классе, состоящем из двадцати человек, только два троечника, при этом (по свидетельству моих коллег) качество знаний оставалось таким же, как и в других классах данной параллели».

Усугубляющийся бюрократизм

Вот о формализме, бюрократизме мне и хотелось бы поговорить подробнее. Эта проблема

2. https://scepis.net/library/id_4021.html

3. *Салтыков-Щедрин М. Е.* За рубежом // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в 20 томах. Т. 14. М.: Художественная литература, 1972. С. 24.

мне кажется ключевой, в ней заключается корень практически всех зол современной школы. Эта проблема может иметь огромное множество различных проявлений, но корень останется прежним.

И здесь важно сделать следующее замечание. Бюрократизм свойствен не только школе — это проблема всего нашего общества, не только российского, а мирового. В США или Зимбабве проблемы те же, хотя и в разных обличиях. Бюрократизм распространялся и разрастался, подобно раковой опухоли, с появлением современного государства. Ещё Гофман с Гоголем предостерегали нас от него. Но проблема так и не была решена и непрерывно усугублялась.

Прочитайте, что пишет о царских чиновниках Салтыков-Щедрин, и сравните их с нынешними: «Говоря по совести, бесшабашные советники не только мне не претят, но я чувствую к ним почти nepозволительную слабость. Всё в них мне нравится: и неожиданность суждений, и безыскусственная несвязность речей, и простодушная готовность во всякое время совершить какое угодно мероприятие. Даже трещина в черепе, которая постепенно, по мере утолщения формулярного списка, у каждого из них образовывается, — и та не представляется мне зазорною, ибо я знаю, что она установлена для того, чтоб предписания начальства быстрее доходили по назначению. Бояться бесшабашных советников я, конечно, считаю своею прирождённою обязанностью, но боюсь не потому, чтоб они представлялись мне преисполненными злобы, а потолику, поколику они являются вместилищами казённого интереса. По казённой надобности они воспаляются и свирепеют с изумительной лёгкостью, но в домашнем быту, и в особенности на водах за границей, они такие же люди, как и прочие. У большинства их есть семейства, в которых они являются нежными супругами и любящими отцами, а у некоторых, сверх того, имеются и француженки, которых они, разумеется, содержат на казённый счёт. В качестве партикулярных людей многие из них не прочь почитать и даже „писнуть“ что-нибудь, в карамзинско-державинском роде. Затем все вообще любят получать хорошие содержания и аренды. Словом сказать, это обыкновенные „русские люди“, у которых брюхо болит, если где плохо лежит. Разумеется, однако ж, если б меня спросили, могу ли я хоть на один час поручиться, чтоб такой-то бесшабашный советник, будучи предоставлен самому себе, чего-нибудь не накуролесил, то я ответил бы: нет, не могу!»³

Как же всеобщая проблема бюрократизма даёт себя знать в школе?

Во-первых, она проявляется в туманности и неясности задач, которые ставит высшая бюрократия перед учителем. Если говорить по совести,

Раздутый аппарат

то государственным мужам нужно, чтобы школа поставляла не слишком умных, но законопослушных граждан. Ибо в большом количестве умных людей у нас всё равно не на что употребить: высокотехнологичные отрасли у нас частью исчезли, часть находятся в прединфарктном состоянии, а вслед за ними на ладан дышит и наука.

Но произнести всё это во всеуслышание государственные мужи не смеют, а потому стараются сформулировать свои требования к школе таким образом, чтобы в этих требованиях говорилось одно, но на деле получалось совершенно обратное. Отсюда невообразимая путаница во всевозможных «федеральных государственных стандартах» (ФГОСах), которые как из рога изобилия льются на мозг учителей. Оные требования вменяется в обязанность знать чуть ли не наизусть.

Например, в перечне умений, которые должны воспитывать в обучающихся педагоги, числится «критическое мышление». И горе тому педагогу, который забудет об этом требовании, и горе тому, кто его исполнит. Ибо если бы я, скажем, действительно взялся учить детей критически мыслить, по головке меня никто бы не погладил.

Поэтому школа находится в довольно шатком положении: педагоги обязаны исполнять распоряжения начальства на свой страх и риск. Государство общается со школой полунамёками, а ответственность за правильное понимание и истолкование этих намёков перекладывается на учителя. Если что-то пойдёт не так, виноват будешь ты.

Отсюда противоречивость транслируемых через школу идеологических установок: с одной стороны, мы приучаем детей к «рыночным ценностям» — потребительству, культуре успеха, карьеризму, а с другой, провозглашаем «традиционные ценности». Например, на ОГЭ ученикам к чтению и пересказу был выдан текст о «взрослости». Суть его сводилась к следующему: «Взрослость означает самостоятельность, то есть умение обходиться без чьей-либо помощи, опеки. Человек, обладающий этим качеством, всё делает сам и не ждёт поддержки от других. Он понимает, что свои трудности должен преодолевать сам». И так далее.

Что это, как не апология того самого «атомизированного человека», оторванного не только от близких, от общества, но и от самого государства? Иными словами, государство вам ничего не должно, и вообще: по трое не собираться — р-р-разойдись! Хорошо, но к чему тогда на страницах учебника изображать плакат «Родина-мать зовёт»? Надо выбрать одно из двух.

То же самое и с модернизмом и архаикой. Учебники физики и химии превозносят достижения отечественной науки, а учебники «Родного русского языка» учат, как правильно носить лапти и работать бурлаком.

Пора бы разобраться с тем, кто мы и куда идём.

Теперь надо сказать о самом наболевшем: шквале распоряжений, требований, отчётов, которые сыплются на педагога практически ежедневно как из рога изобилия. Всевозможные бумажки, гласные и негласные нормативы кружатся вихрем, заваливают учительские столы в несколько слоёв. Выполнить все их просто физически невозможно, а потому ты неизбежно вынужден что-то упускать и постоянно оказываешься в долгах.

Почему так происходит? Я вижу причину в том, что в наследство от СССР нам достался гигантский государственно-бюрократический аппарат. В советской системе он частично был оправдан тем, что в плановой системе государство ведало всем, а потому государственные чиновники исполняли роль всевозможных менеджеров, корпоративной бюрократии, предпринимателей и так далее.

После развала СССР и перехода к рынку хозяйство огромной страны было роздано всевозможным олигархам и прочим «успешным людям». Но госаппарат от этого не сократился. Напротив, согласно статистике, количество госслужащих в капиталистической России заметно выросло! А вот область приложения их чиновных усилий многократно сократилась. И она продолжает сжиматься, а аппарат — расти.

Собственно, школа (наряду со здравоохранением) осталась одним из немногих объектов непосредственного государственного надзора и управления. И весь непомерно раздувшийся чиновный аппарат кинулся надзирать и управлять. К телу школы присосалось множество различных ведомств, которые не особенно контактируют между собой и не считают нужным координировать свои усилия, поэтому распоряжения от них приходят по разным каналам, они могут противоречить друг другу или дублировать друг друга.

Тут лучше меня об этих ведомствах могли бы рассказать школьные администраторы, ибо эти распоряжения приходят к ним, а они обязаны транслировать их учителям. Но могу сказать, что в число источников распоряжений входят управления образования различных уровней — федерального, регионального, муниципального, Обрнадзор, Институт повышения квалификации, гибдд и Госнаркоконтроль (со своей профилактикой), мчс и гувд (со своими учебными тревогами и эвакуациями) и так далее, и тому подобное. На школе оттопталась почти все чиновные ведомства.

Реализовывать же их требования в большинстве случаев приходится учителю.

И на фоне всех этих требований получается, что начальства у учителя — пруд пруди. Буквально идёшь по коридору, а за каждой дверью — начальник сидит: директор школы, завучи и прочие замы директора, отвечающие за повышение квалификации, кадры, бухгалтерия, и всем им ты должен,

должен, должен... И каждый из них, если пожелает, может на тебя накричать. Дай Бог здоровья всем тем, кто в силу интеллигентности этого не делает. Но и у интеллигентных уже сдают нервы от бумажной лавины, так что атмосфера в школе постоянно накаляется. Да и общая ситуация в стране и в мире подогревает страсти.

Приоритеты

А когда же детей учить? готовиться к урокам? планировать мероприятия? проверять тетради, наконец?

Главные задачи школы, её *содержание*—это обучение, преподавание знаний, которое осуществляется на уроках, но именно уроками, подготовкой к ним и их проведением, постоянно приходится жертвовать, пренебрегать во имя чисто формальных бюрократических процедур.

Приведу пример. Восьмые классы имеют два урока литературы в неделю. В одном из моих восьмых классов оба эти урока поставлены в один день. Однажды я ушёл на больничный на полторы недели (сидел с захворавшей дочкой). Во время моего отсутствия меня никто не подменял—некому было подменить, ведь педагоги и так перегружены. Дети в этом классе на полмесяца остались без уроков литературы. Я выхожу с больничного, ребята в предвкушении встречи... Но на их единственный «литературный» день выпадает проверка сочинений старшеклассников для допуска к ЕГЭ. Педагогов, естественно, не хватает, и за эту работу на целый день усаживают всех преподавателей русского и литературы.

Что это? Зачем это? Экзамен—это, если посмотреть трезво и строго, лишь формальная процедура оценки знаний и умений ученика, знаний, полученных на *уроках русского и литературы*. Но вся школа в этот день была лишена *уроков русского и литературы* ради этой формальной процедуры. Причём это ведь был не сам экзамен, а лишь процедура допуска к экзамену: предварительная формальность к формальности. ЕГЭ под нажимом нашего Минобра непрерывно раздувается, как и всякая бюрократическая опухоль, он сжирает всё больше времени, всё больше сил детей и педагогов. Его проведение обрастает всё новыми и новыми ритуалами.

В дни проведения таких экзаменов педагогов ангажируют не только для непосредственного проведения экзамена, но и в качестве надзирателей-конвоиров, чтобы сопровождать детей в туалет. Но, опять же, про это было сказано немало.

Вы думаете, мытарства восьмого класса на этом кончились и спустя три недели он всё-таки занялся изучением русской литературы? Чёрта с два! На следующей неделе в тот же день было назначено собеседование. Это ещё одна бюрократическая процедура, в ходе которой старшеклассники должны продемонстрировать своё умение читать

и пересказывать текст, а также вести диалог. Проверить все эти навыки можно было бы и в ходе обычных занятий, но мероприятие снова обставляется с предельным формализмом, строгостью и идиотизмом: школу на весь день закрывают из каких-то нелепых предосторожностей, детей снова водят по пустым коридорам по одному. Вся эта концлагерная обстановка изрядно нервирует учеников, сбивает их с толку.

Принимать экзамен должны сразу двое: один спрашивает, а другой ведёт «протокол», заполняя мудрёную табличку. Ох уж эти таблички! Наши (да почему только наши? любые) чиновники мечтают свести всякое дело к заполнению таблиц, расстановке галочек по квадратикам, всё предельно формализовать, механизировать, вытравить всякий привкус человеческого, человечности из школы, из образования, из науки—откуда угодно. Всё живое, человеческое их страшит, кажется им подозрительным, ненадёжным. «Система хороша—только люди всё время подводят»,—любимая присказка наших чинуш и их оппонентов из либерального лагеря.

Им всё хочется превратить человека в робота. Человек представляется им угрозой. Раньше, при классической процедуре сдачи экзамена, экзаменатор вёл с экзаменуемым диалог, задавал дополнительные вопросы по выпавшей теме. Этим он мог помочь выплыть запутавшемуся или, напротив, «срезать» того, кто очевидно списал ответ, но в действительности не знает темы. Такая процедура была ориентирована на *понимание* учеником сути вопроса, темы. Если он не усвоил какую-то частность, он может продемонстрировать свою общую подкованность, поведя рассуждение по другой линии.

Экзаменатор в вузе, заинтересованный в том, чтобы иметь у себя сообразительных студентов, а не начётчиков и зубрил, в ходе экзамена проверял поступающего, присматривался к нему—ведь им вместе работать.

ЕГЭ же потворствует именно зубрёжке, чисто формальному запоминанию или же хитроумному списыванию, но никак не интересу к предмету, проникновению в суть. И, кстати, он не устраняет коррупционную составляющую. Впрочем, и об этом уже было сказано довольно.

Здесь я лишь подчеркну, что образовательный процесс в школе оказывается чем-то второстепенным, дополнительным, а отчётные экзаменационные процедуры выпячиваются на передний план.

Пара ласковых про спорт

Но этого мало: уроки отступают и перед всевозможными олимпиадами, соревнованиями и конкурсами. Почему? Да потому, что это тоже хороший бюрократический показатель. Победа в олимпиаде или даже простое участие в ней, проведение её смотрятся в отчёте лучше, чем хорошо

и увлекательно проведённый урок, если, конечно, этот урок — не бюрократическая показуха для районных чиновников.

Вот так с моего урока *русского языка* большинство учеников ушло, чтобы писать олимпиаду по *английскому языку*. Потому что олимпиада, да ещё и платная. Вот вам и хваленый патриотизм. Я уж не говорю про эти проклятые спортивные соревнования.

Позволю себе сказать пару ласковых слов про спорт.

Многие дети в каждом классе посещают различные спортивные секции и, как следствие, постоянно ездят на какие-нибудь конкурсы, соревнования, чемпионаты и сборы. Если спросить у них, зачем им нужен спорт, то они ответят: чтобы быть здоровыми. Но дело-то как раз в том, что соревнования к здоровью не имеют непосредственного отношения. Так же как экзамены — к знаниям. Если рассуждать разумно, то предпочтение должно быть отдано заурядным тренировкам: именно на них вырабатываются сила, выносливость, необходимые навыки.

Почему же предпочтение отдаётся спортивным конкурсам и соревнованиям? Конечно, дело тут вовсе не в здоровье, а в том, что спортивные соревнования, как олимпиады и конкурсы по иным предметам, являются идеальным отчётным показателем. А для самих детей спорт является социальным лифтом, способом сделать успешную карьеру, добиться богатства и славы. Действительно, звёзды спорта имеют огромные доходы, а по завершении спортивной карьеры легко находят себя в политике — на различных партийных и депутатских должностях.

Но откуда такой почёт спорту? Стандартный ответ: спортсмены мотивируют других людей заниматься спортом и развиваться физически. Однако на самом деле простых людей, непрофессионалов, они демотивируют, показывая, что таких результатов можно добиться, исключительно посвятив всю свою жизнь одному спорту.

А стоит ли посвящать свою жизнь спорту? Профессиональный спорт может запросто погубить здоровье, покалечить человека. Так происходит с футболистами, хоккеистами, горнолыжниками и другими профессионалами. С точки зрения здравого смысла профессиональный спорт — это какой-то нонсенс. Он никого не мотивирует становиться здоровее, но если бы и мотивировал, то оставался бы вопрос: а для чего нужно быть здоровым?

Обыватель ответит: чтобы прожить дольше. Хорошо. А зачем нужно жить дольше? Умный человек ответит: для того, чтобы успеть достичь более высоких жизненных целей, чтобы успеть принести больше пользы обществу и так далее. При такой (и только при такой) постановке вопроса здоровье и спорт оказываются оправданными. Стало быть, здоровье — это не цель, а лишь средство к

достижению более высокой цели. Если же средство (здоровье) и даже средство средства (спорт) превращаются в цель, то мы попросту выкидываем на свалку свою жизнь, какой бы долгой она в итоге ни оказалась.

И с точки зрения вышеизложенных рассуждений, с точки зрения здравого смысла и ценности морально здорового человека вершиной спортивной карьеры должен быть не какой-то монструозно перекачанный олимпийский призёр или рекордсмен, а обычный школьный физрук. Ибо школьный физрук действительно приносит пользу обществу — помогает юному поколению вырасти физически здоровым. И воспитывать этот физрук должен не призёров, а гармонично развитых детей, уделяя больше внимания не сильным, а слабым ученикам.

И в заключение назовём, наконец, подлинную сущность профессионального спорта и причину столь незаслуженно высокого значения, которое ему придаёт современное общество. Профессиональный спорт — это всего-навсего часть и разновидность *современного шоу-бизнеса*, зрелище, развлечение для толпы, причём самый интеллектуально примитивный и эстетически убогий вид массового зрелища. Спортивные соревнования выполняют ту же функцию, что и рок-н-ролл или телешоу с призами — они отупляют зрителя и пичкают его разнообразными рекламными вставками, а заодно скармливают ему иллюзию того, что в рыночном обществе всякий может при желании добиться успеха.

Тетради и прочие прелести

Итак, олимпиады и экзамены оказываются важнее получения знаний, соревнования — важнее тренировок. Но и это ещё не всё. В шкале важности уроки оказываются ниже какого-нибудь семейного праздника (дня рождения дальних родственников) или выезда на курорт. Родители запросто увозят чадо на море, а учителя попросту ставят в известность, да ещё и просят, чтобы ребёнку учитель отправлял задания индивидуально.

Ещё одна важная головная боль учителя — это тетради. Тяжелее всех здесь ситуация именно у словесников. Но и остальным тоже достаётся этой прелести. Проверка тетрадей — это непрерывная, обязательная, тяжёлая и однообразная задача. Чтобы провести контрольную, достаточно сорока минут, а проверка тетрадей потом может занять не один час напряжённой работы. Сверх того, по важным контрольным вам ещё придётся заполнить специальные «аналитические» таблицы для чиновников. Но, повторяю, для учителей русского языка проверка больших стопок тетрадей — это почти ежедневная задача.

Так вот, на проверку тетрадей никакого фиксированного времени вам не будет выделено. За эту работу вам будут приплачивать кое-что, но когда

вы всем этим занимаетесь—это никого не волнует. И если учесть, что первая половина дня у вас загружена уроками, а потом начинаются всякие дополнительные занятия и административные радости, то на тетради остаются разве что ночи и воскресенья (не забывайте, что суббота для вас—рабочий день).

Теперь об административных радостях. После уроков вас тащат на всевозможные совещания с обсуждениями новых распоряжений начальства разных уровней, на методобъединения с заслушиванием отчётов (естественно, с кучей графиков, таблиц и цифр), на собрания, на курсы повышения квалификации, на прививки и медосмотры. Эти собрания и мероприятия организуют разные отделы и ведомства, и, конечно, они постоянно накладываются друг на друга.

Про повышение квалификации стоит сказать особо. Каждый педагог обязан повышать свою квалификацию и проходить специальные курсы. Для этого надо самостоятельно писать документы (с заполнение таблиц, естественно), в которых расписываются собственные достижения. Правила заполнения этих документов постоянно меняются, поэтому нужно перед их заполнением сверяться со специальными сайтами. Далее требуется выбирать для себя онлайн- или очные курсы и проходить на них обучение.

Приведу пример. Я ездил на один из таких курсов. После уроков (вместо проверки тетрадей или выполнения других обязанностей) я отправился на другой конец города... чтобы клеить из тряпочек ёлочку! Это называлось «практикум по арт-терапии». Напомню, я учитель русского и литературы, а не труда или «технологии». Нам раздали материалы, и мы должны были шить и клеить. Кто-то скажет, что это прекрасный способ расслабиться и провести время, но, напомню, это называлось «курсы повышения квалификации». Чего я там себе повысил? Этим неплохо заниматься по собственному выбору и в свободное время, но свободному-то времени у педагога как раз и нет. У него всё время занято в два или три слоя задачами разной степени срочности.

Но знаете, где-то я даже благодарен организаторам, поскольку они отнеслись к задаче халатно и позволили схалкить другим. Я слепил кое-как своего разноцветного уродца и был таков, но согласитесь, что для здорового человека вся эта ситуация выглядит крайне патологично: это имитация имитации деятельности. При том, что у учителя есть масса настоящих задач, которые оказываются постоянно отодвинуты, погребены под горой бессмысленных бюрократических глупостей.

Силовики, карты самооценки, перемены

Если братья перечислять, то стоит сказать и про эвакуации. А как же: полиции, ФСБ и МЧС тоже

ведь надо оправдать свой хлеб! А как это сделать, если не при помощи школы? Поэтому в школе проводятся всевозможные учения, проверки и тренировочные эвакуации. В лучшем случае они отнимут у вас и у учеников полдня, а иногда школа окажется закрытой на весь день.

Доброрпорядочный зануда скажет: «А вдруг звонок о минировании школы окажется не обманом? Уж лучше несколько дней в отпуску потратить на проверки и эвакуации». На это ответим статистикой. Сколько звонков о минировании школы за всю историю России оказались правдой? Правильно, нисколько. Зачем же устраивать всю эту шумиху с эвакуацией и оцеплением школ? Правильно, во имя бурной и кипучей.

Силовики с правонарушителями играют в одни ворота—оправдывают существование друг друга. А школьники радостно и законно прогуливают занятия.

Также в обязанность педагогу вменяется быть здоровым. Надо ли рассказывать о том, какая это морока—таскаться по поликлиникам, выстаивать очереди и ставить себе всевозможные прививки? Думаю, с этим вы и так знакомы. Наше здравоохранение находится в том же положении, что и образование,—задавлено бюрократией и завалено рутинной.

Ещё одно новшество от нашей дорогой бюрократии—карты самооценки трудящихся (НСОТ). У этих карт долгая история. Давным-давно наше заботливое начальство разделило зарплату учителя на две части: оклад и «стимулирующие надбавки», которые предоставлялись за всякую дополнительную активность. Раньше распределением этих надбавок занималась администрация школы, но теперь решили, что педагоги сами должны заполнять эти документы и подавать их в высшие инстанции, а уж там решат.

Карта самооценки представляет собой... огромную таблицу, в которой перечислены разные виды работ, а учитель должен рассказать все свои дополнительные активности по нужным ячейкам. Вот только в число этих дополнительных активностей, конечно, включено далеко не всё, в том числе и само заполнение этих НСОТ, хотя времени на их заполнение уходит порядком.

Во-первых, без консультации с завучем или руководителем методобъединения вы не разберётесь, под какую чиновную формулировку подходят те или иные ваши задачи; во-вторых, каждую из выполненных вами работ надо подтвердить документально, то есть приложить к ней какие-то свидетельства. Ну и, наконец, оформить, распечатать и сдать. Естественно, многое из сделанного вами не будет учтено и так и останется обычным неоплачиваемым трудом.

Насколько загружен учитель, видно из того, чем заполнена перемена. Казалось бы, там времени-то—

только чтобы собрать учебники и перейти из класса в класс или сходить в столовую. На самом деле эти десять-пятнадцать минут также заполнены всевозможными делами.

Во-первых, после урока вы должны внести в электронный журнал домашнее задание, поскольку оно должно быть задано не позднее трёх часов, а раньше трёх вы уроки не закончите. Во-вторых, на перемене вы принимаете несданные работы учеников, скажем, стихотворения наизусть. В-третьих, отвечаете на разные вопросы детей. В-четвёртых, вы уже должны открыть журнал другого класса и подготовиться к уроку, что-то распечатать, написать на доске и так далее. И это не говоря про экстренные ситуации и внезапные срочные требования начальства.

Не будем забывать и про такую известную нам часть нашей жизни, как разнообразные чаты и каналы связи: «полезная информация», распоряжения и просьбы непрерывно лезут в наш мозг сразу по нескольким каналам. Учителя это общешкольный чат, чат методобъединения и электронный журнал. Кроме того, конечно, с вами будут связываться по телефону, вайберу и прочим мессенджерам. Всё это постоянно дзынькает, чирикает, мигает ярлычками непрочитанных сообщений и неуклонно повышает уровень стресса и раздражения.

Философия

Похоже, наши чиновники выработали два главных способа работы со школой (догадываюсь, что и в остальных сферах они действуют сходным образом, но поручиться не могу): помимо заполнения бесчисленных отчётных таблиц, это регистрация на всевозможных онлайн-платформах. Чиновники производят платформы одну за другой и требуют, чтобы все подряд регистрировались на них. Это, с одной стороны, позволяет им ещё больше роботизировать процесс образования, а с другой, помогает «освоить» огромные бюджетные суммы, выделяемые на разработку сайтов.

Производимые ради галочки и ради освоения средств сайты получают абсолютно нерабочими, неудобными и запутанными. Навскидку за последние пару лет можно назвать Реестр школьных музеев, Электронный журнал, Навигатор дополнительного образования, сайт школьной карты «Феникс», Скайсмарт, платформу «Моя школа» и так далее.

Регистрируют на них так же, как крестили Русь: всем скопом при помощи угроз и санкций загоняют туда упирающихся людей — педагогов, учеников, родителей. Всем им необходимо завести себе аккаунты, слить свою личную информацию (телефоны, почты, а то и паспортные данные, инн), оформить свои персональные страницы, загрузить программы, фотографии, расписания и поддерживать там какую-то активность.

Из всего, с чем мне пришлось столкнуться, самым ужасным проектом оказался Навигатор дополнительного образования — это самый «кривой», самый запутанный и самый издевательский сайт с кучей бесполезных функций, где полезные функции запрятаны в такой «глубине сибирских руд», что и не доищешься.

Почему наша бюрократия ведёт себя таким бессмысленным и беспощадным образом? Дело в том, что так или примерно так ведёт себя любая бюрократия. Такова её, бюрократии, природа. И суть этой природы выразил Маркс: «Бюрократия считает самоё себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои „формальные“ цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с „реальными“ целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные»⁴.

Звучит сложновато, но если вдуматься, то так оно и есть.

Что такое наше государство? Это чиновничий аппарат, действующий по чиновничьим принципам. Что такое формальные и реальные цели? В нашем случае речь идёт об образовании. Тогда реальной целью образования будет превращение юных граждан России в образованных людей, способных выполнять квалифицированную работу, двигаться вперёд науки и искусства. Достижение этой реальной цели с точки зрения бюрократии должно быть выражено в формальных показателях: успешной сдаче ЕГЭ, высоком проценте олимпиадников, росте показателей в различных отчётах. Так вот эти формальные цели заслоняют и подменяют собой цели реальные. Оказывается, что обеспечить формальные цели можно без достижения целей реальных: за счёт натаскивания, обмана, очковтирательства и даже элементарных приписок.

Усилия педагогов направляются на обеспечение формальных показателей. В итоге формальная цель — сдача ЕГЭ, получение диплома — становится главной целью. А что же реальная цель? Попробуйте поговорить с начальником-чиновником о значении образования, о необходимости воспитывать молодое поколение — он сонно покивает головой: мол, конечно, всё это хорошо, но *стерва* обеспечьте нам хорошие отчётные показатели. Знания превращаются в нечто дополнительное, необязательное, в приятный бонус. «Вы что, ещё и знания на уроках даёте? И откуда у вас столько лишнего времени?» А могут и рассердиться: «Не тем вы на уроках занимаетесь».

.....

4. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Нищета философии. — М.: риц Литература, 2007. С. 127.

Не могу не вспомнить в связи с этим один из лозунгов французского студенческого восстания: «Структуры для людей, а не люди для структур!»

Психология

Увы, многолетнее существование в обратной ситуации, под бременем бюрократического прессы, который непрерывно и неуклонно усиливается, калечит психологию и моральный облик российского учителя. Как пели в опере «Стадион»: «Сильных сломаем, упрямых согнём».

Обилие бессмысленных, взаимоисключающих задач превращают учителя в дрессированного зверька, который несётся сломя голову исполнять всякий приказ, всякое распоряжение, озвученное достаточно решительным тоном. При этом учитель не привык задавать вопросов и сам задаваться вопросом правомерности и даже попросту целесообразности того или иного требования.

У учителя отпадают представления о логике, выроаут моральные нормы, исчезает профессиональная гордость. Среди учителей (как и среди российского общества в целом) распространены цинизм и отсутствие критического мышления. Для учителя это особенно опасно, поскольку он вроде как должен служить моральным ориентиром для учеников, а стало быть, несколько возвышаться над средним уровнем.

В результате даже гуманитарное образование не становится для педагога предохранителем от воздействия самой грубой пропаганды. Согласно социологическим исследованиям, именно люди с гуманитарным образованием, как правило, более устойчивы к воздействию разных видов внушения и манипуляции. Увы, у российского учителя зачастую не остаётся физических и интеллектуальных сил для того, чтобы обдумать то, что он слышит по телевизору или в интернете, как-то самостоятельно отнестись к этому, и в итоге учитель выступает бездумным рупором, не слишком возвышаясь над уровнем вечерних телепередач.

Политэкономия

Но перейдём от философских и психологических рассуждений к языку строгой экономики.

Важнее всего даже не то, что весь вал вышеперечисленных задач и видов работ по большей части не оплачивается, а за каждую дополнительную копейку нужно отчитаться и предоставить пакет документов. Worse всего, что эта работа не учитывается рабочим графиком и выполняется в нерабочее время — по ночам, в выходные и праздники; что выполнять эту работу приходится впопыхах, параллельно с другими задачами.

И здесь мы от понятий «прибавочная стоимость» и «неоплачиваемый труд» переходим к понятию «сверхэксплуатация труда». Это понятие разрабатывали латиноамериканские исследователи,

развивавшие теорию зависимого развития, и прежде всего Руй Мауру Марини. Рассматривая всю мировую экономику как целостный механизм, они выделяли в ней центр и периферию. Центр аккумулирует у себя высокие технологии, а страны периферии служат источником сырья. Используя своё положение монополиста на рынке высокотехнологичных товаров, центр может произвольно завышать цены на свою продукцию. А поскольку поставщиков сырья много, то они вынуждены конкурировать между собой и продавать свои товары по «рыночным ценам».

При помощи неэквивалентного (неравного) обмена со странами мировой периферии центр выкачивает из них капитал и перераспределяет мировые ресурсы в свою пользу. Капиталисты стран периферии, чтобы компенсировать свои потери, вынуждены прибегать к единственному доступному им средству — нажиму на своих работников, снижению их оплаты и одновременно интенсификации их труда. Хуже того, эксплуатация может достигать такого уровня, что работники не могут или не успевают восстанавливать свои силы. Это и есть сверхэксплуатация.

Нетрудно догадаться, к какому разряду стран принадлежит Россия. Естественно, в качестве поставщика нефти, газа, угля и других природных ресурсов она является частью мировой периферии, обслуживающей страны центра (США, ЕС и другие). И конечно, в России широко распространена сверхэксплуатация труда.

В данном случае мы рассматриваем это явление на примере школьных учителей. Для того чтобы должным образом функционировать, всякая машина должна отдыхать и ремонтироваться. Для работника-человека это будет означать достойную оплату и отдых. Но именно в этом сверхэксплуатируемому работнику и отказывают.

Ещё Маркс отмечал, что капиталист может прибегать к трём способам повышения производительности за счёт работника: удлинению рабочего дня, интенсификации труда и снижению оплаты.

Все эти способы применяются у нас в отношении учителей. Чтобы иметь более-менее достойную зарплату, учитель вынужден брать нагрузку сверх базовой ставки, совмещать две, а то и три должности, то есть как бы самостоятельно перегружать себя.

Но и без такого стремления его всё равно будут нагружать. Понятия «рабочий день» в школе не существует: начальство будет звонить вам в любое время суток. И даже если вы сумеете добиться, чтобы вас не беспокоили, на праздники, на ночи и выходные лягут задачи по подготовке к урокам и по проверке тетрадей. Приходить на работу вы будете к половине восьмого, а уходите будете в шесть, унося с собой пачку тетрадей. Вот и представьте, сколько длится рабочий день в школе, и вспомните

про рабочих в царской России, которые воевали за хотя бы одиннадцатичасовой рабочий день.

К чему это приводит? К чему приводит сверхэксплуатация? К тому, что рабочая сила не восстанавливается. Учитель выматывается не только физически, но и психически, что приводит к разнообразным заболеваниям, срывам. В итоге, проработав несколько лет, многие учителя не выдерживают и покидают место работы — переходят в другую сферу занятости. Кстати, порой, «отдохнув» на другом месте, они потом возвращаются за новой дозой сверхэксплуатации.

Трудовые отношения

Как видим, ситуация в школе отражает состояние российского рынка труда в целом. Поэтому придётся всерьёз поговорить об этой сфере. Всякий учитель (хотя, конечно, не только он) узнает в этом описании своё место работы.

Прежде всего, российская экономика демонстрирует любопытный парадокс: она сочетает высокую интенсивность с низкой производительностью труда. Это означает, что люди работают как проклятые, но без толку. По производительности труда мы отстаём не только от богатейших стран Евросоюза, но и от Аргентины, и даже от «собственной» бывшей республики Литвы. Зато по интенсивности (напряжённости) труда мы обгоняем все эти и многие другие страны. По показателям интенсивности работаем мы примерно как южные корейцы, а Южная Корея славится беспорядком своих рабочих и жестоким обращением с протестующими.

Почему так? Во-первых, мы ещё с девяностых годов привыкли катиться на советском заделе, продать советское наследие. Если у нас с восьмидесятых годов не обновлялось оборудование на заводах, не менялись водопроводные трубы и энергосети, то с какой стати работодатель станет лучше относиться к живым работникам? Инновации, модернизация у нас превратились в пустой треп, фикцию.

Высокая степень монополизации во всех отраслях. Главным работодателем в сфере образования у нас является государство, оно и задаёт единые стандарты труда во всех школах и вузах. Поэтому нет большого смысла уходить из одной школы, чтобы получить лучшие условия в другой: вышеперечисленные «печали» ожидают вас во всякой государственной школе. Частное же образование у нас не развито и не создаёт конкурентной среды.

Люди бегут из образования, молодые специалисты идут в школу с неохотой, и это вынуждает увеличивать нагрузку на имеющиеся кадры. Но и, повторяюсь, уровень зарплаты таков, что учителя в любом случае вынуждены нагружать себя сверх меры. О какой-либо оптимизации и рационализации труда педагога речи не идёт: расписание скачет, что-либо планировать невозможно,

распоряжения сыплются бессистемно, заученные вчера правила и нормативы устаревают завтра.

Выручает администрацию школ то, что в других сферах также творится кошмар, в стране царит безработица, что иногда удерживает учителей от увольнения по собственному желанию.

Кроме того, культура трудовых отношений в современном мире настолько деградировала, что руководитель, оглядываясь на своих коллег, попросту не может себе представить ситуации, в которой он учитывал бы интересы подчинённых. Договоры составляются таким образом, что обязанности и права в них прописываются крайне размыто, да и сослаться на букву закона считается чем-то неприличным, «оппозиционным».

Пресловутая «вертикаль власти» сформировала представление о движении решений, информации исключительно сверху вниз. Ведомства издают на нижестоящие органы водопад своих решений, а администрация школы выступает своеобразным трубопроводом, направляющим эти решения на головы рядовых работников, иногда добавляя кое-что от себя. Работники не имеют возможности ни обсудить, ни возразить, ни предложить что-то со своей стороны. Воздействовать на спущенное сверху решение они могут только радикальным образом — забастовкой, саботажем, обращением к общественности. Нет никакой рабочей модели равного взаимодействия, площадки для диалога между педагогическим коллективом и руководством. Единственная возможность — писать письма «на деревню дедушке», которые обычно ложатся в долгий ящик.

К чему приводит отсутствие самоуправления и утверждение такой вертикальной модели?

Решение даже самых мелких вопросов уходит наверх. Руки связаны не только у учителей, но и у директоров школ. В итоге решения принимают люди, далёкие от местной специфики и от преподавания вообще. Отсюда непомерно возрастает роль администраторов среднего звена, которые выступают предохранительным клапаном, толкая распоряжения выгодным образом, составляя дутые отчёты, чтобы и верховные волки были сыты, и педагогические овцы были целы.

Кроме того, недовольство учителей спускаемыми свыше распоряжениями обращается не на их источник, а на озвучивающих их завучей, и борьба за свои права принимает форму частных кабинетных препирательств.

Всякая школа вынуждена содержать раздутый бюрократический аппарат, на который уходит немалая часть зарплатного фонда. Не говоря уже обо всех этих вышестоящих ведомствах, которые пожирают львиную долю образовательного бюджета.

Исчезает гибкость и оперативность принятия решений, а давление на рядовых работников возрастает. И это давление никак не учитывает

физические и психические возможности учителей. Администрация любит напоминать учителям, «когда у нас начинается рабочий день», но «забывает» сообщить, когда он заканчивается. А кто будет нести ответственность за переутомление, за стресс и невроз работников? Да никто.

Прислушиваться к работнику стало чем-то немислимым, жалоба на трудовые условия считается чем-то зазорным. Отсутствие диалога, непроходимость сигналов снизу не позволяет руководителям даже при всём желании выстроить работу организации разумным образом.

Некоторые учителя видят единственный выход из этой ситуации в кумовстве, в том, чтобы пролезть в любимчики к директору, к завучу, завести с ними неформальные отношения, занять роль сплетников, наушников при директоре, а то и при чиновнике из муниципального ведомства. Это позволит им выговорить себе более привилегированные условия труда и оплаты, «освободиться» за спиной у своих коллег. Покровители наверху могут в случае надобности «прикрыть», выписать надбавку, включить в денежный проект.

В результате в коллективе нередко формируется нездоровая обстановка, групповщина, доносительство, склоки, неформальная иерархия.

На уровне руководства оторванность от коллектива приводит к некомпетентности. Некомпетентный руководитель склонен окружать себя столь

же некомпетентными, но лояльными людьми. Да и сама компетентность принимает форму «тайного знания» различных чиновных правил, умения обращаться с бумажками.

Совершенно убого обстоит дело с профсоюзам. Официальный школьный профсоюз является, в позднесоветском духе, частью администрации и никоим образом не защищает права работников.

Нечего и говорить про такие «мелочи», как неоплачиваемые отпуска, принудительные увольнения «по собственному желанию» или, напротив, отказ в увольнении, неоплата сверхурочной работы или её оплата не по повышенному тарифу и так далее.

Да и сами учителя готовы выбиваться из сил, поскольку жалеют детей, которые могут недополучить знаний, скажем, в случае ухода педагога на больничный.

Ну да хватит о грустном. Пора делать выводы. Эта статья написана не для того, чтобы отвадить специалистов от школы, а для того, чтобы побудить учителей, учеников и их родителей бороться за исправление положения в нашем образовании. Это можно сделать, только осознав корни проблем.

А чтобы найти в себе силы оставаться в школе, перечитайте первую часть статьи.